

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Э. Р. Тенишев

ТЮРКСКИЕ «ОДИН», «ДВА», «ТРИ»

По структурно-семантическим признакам числительные в тюркских языках делятся на первичные и производные.

К первичным относятся количественные числительные — названия единиц, десятков, сотни, тысячи и других более высоких разрядов числительных. К производным принадлежат формы порядковых, собирательных, разделительных, дробных числительных и числительных приблизительного счета.

В основе производных форм лежат количественные числительные, представляющие наибольшую трудность для толкования.

Рамки данной статьи позволяют проанализировать только три первых названия из разряда единиц.

І. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ «ОДИН»

Азерб., туркм., тур., гаг., кумык., к.-балк., кр.-тат., карим., ног., к.-калпакск., узб., уйг., тув., кирг., алт., древнетюрк. *bir*; тат., башк. *bër*; казах. *ber*; хак., шор., ч.-тюрк. сал. *pir*; с.-югур. *pir/pyr*; якут. *bir*; чув. *përrë/për*.

Начальный глухой *p* является вторичным по отношению к звонкому *b* большей части тюркских языков. Гласный *i* дал рефлекс *e*, *ë* в ограниченном числе языков. Относительно чувашского *-rr-* следует заметить, что геминация корневых согласных не фонологична в тюркских языках и в общем им не свойственна — это результат передвижения слоговой границы или влияния экспрессии. При счете числительные получают акцентированное ударение на первом слоге, что ведет к передвижению слогораздела на согласный. Не случайно полная форма чувашских числительных, употребляющаяся при отвлеченном счете, геминирована, а краткая, функционирующая как определение, — нет. Отсюда следует, что удвоенное *r* в чувашском языке — явление позднее. Учитывая все эти обстоятельства, можно прийти к заключению о том, что реконструируемая форма тюркского числи-

тельного «один» представляет собой **bīr* — она совпадает с якутским вариантом.

Прежние и явно устаревшие этимологии числительного приведены А. Н. Самойловичем¹.

Наличие форм *bir* ~ *biri* (ср. *biri-si*) дало повод В. Бангу считать, что первоначальная форма для числительного «один» была *birä*² (не элизия ли конечного *ä* привела к удлинению *i*?), а Г. Рамстедт ограничился сопоставлением *biri* с монг. *būri* 'все', 'все', 'каждый'³. В «Корейских этимологиях» Г. Рамстедт предложил другую гипотезу — ряд сопоставлений, целую этимологическую цепочку: кор. *ida-* 'быть' ~ тунг. *bi-*, *bisi* 'быть', 'существовать' ~ монг. письм. *būj*, *būjū* 'этот', 'существующий' ~ **būj/bi* ~ тюрк. *bir*⁴.

Необходимо обратить внимание еще на следующее. Древнейший вигезимальный счет так или иначе отражен в системах счисления. Реликты его можно ожидать и в тюркских числительных: тюрк. *beş* ~ чув. *pilëk* 'пять' (ср. тюрк. *bilek* 'предплечье')⁵. В связи с этим возможно сопоставление **bīr* со словом *barmaq* 'палец': **bīr* ~ **bar* (во избежание нежелательной омонимии с *bar* 'имеется', 'есть' и *bar-* 'ехать', 'идти' гласный претерпел сдвиг $a > y > i$), второй слог *-maq* можно сравнить с бур., юг. *-ban*; дагур. *-ba*; монг. *-bōn*; хори-бур. *-bā(y)*; в числительных типа *yurban* '3', *dörben* '4', *arban* '10'⁶.

Существует мнение о том, что в некоторых языках числительное «один» отражает название местоимения «я». Мотивируется это тем, что понятие «один» формировалось путем осознания человеком своего собственного «я» — нечто такого, что обособлено и противопоставляется как внешнему миру, так и другим членам той общности, к которой он относился⁷.

Принимая во внимание, что реликты вигезимальной системы представлены в количественных числительных ряда языков, можно наметить и другой путь происхождения числительного

¹ А. Самойлович, Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования, — «Языковедные проблемы по числительным, I. Сборник статей», Л., 1927, стр. 146—147.

² W. Bang, Zur türkischen Wortforschung, II. Zum türkischen Zahlwort, — «Turan», 1918, стр. 9—10.

³ Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, М., 1957, стр. 65; J. Németh, Die türkisch-mongolische Hypothese, — ZDMG, 1912, Bd LXVI, H. IV, стр. 560.

⁴ G. J. Ramstedt, Studies in Korean Etymology, Helsinki, 1949, стр. 68.

⁵ Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 65.

⁶ W. Kottwicz, Contribution aux études altaïque, — RO, 1931, t. VII (1929—1930), стр. 168.

⁷ В. З. Панфилов, Категории мышления и языка. Становление и развитие категории количества в языке, — ВЯ, 1971, № 5, стр. 9; е го ж е, Грамматика пивхского языка, I, М.—Л., 1962, стр. 204.

«один» — по крайней мере для тюркских языков, — связанный с существительным «палец». Палец, как нечто легко выделяемое и способное противопоставляться другим пальцам и организму в целом, может осознаваться и как «единица», «один».

Первый путь формирования понятия «один» логически следует считать более ранним, чем второй.

II. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ «ДВА»

Кр.-тат., кумык., к.-балк., кирг., казах., ног., к.-калпакск., древнетюрк. *eki*; тур., туркм., азерб., древнетюркск. *iki*; уйг. диал. *ike*; тат., башк. *ikë*; тув. *iʃi*; караг. *ihî*; чув. *ikë*; уйг., сал., с.-югур. *iški*; уйг. диал. *üke*; алт. диал. *öki/ökü*; якут., узб. диал., древнетюрк. *ekki/ikki*; узб. диал. *ekke*.

По начальным гласным числительное «два» в тюркских языках представлено в четырех вариантах — с открытыми *e*, *ö* и закрытыми *i*, *ü*. Э. В. Севортян справедливо полагает, что «первичным представляется открытый гласный, так как он сохранился в морфологически изолированном туркменском, турецком... *екиз*, азербайджанском *жиз*, между тем как для «два» в названных языках существует единственная форма *ики*, форма же *еки* в диалектах всех трех языков в научной литературе не отмечалась»⁸.

Алтайские и уйгурские диалектные формы с начальными губными *ö*, *ü* надо признать вторичными, образовавшимися на почве соответствий *e ~ ö* и *i ~ ü*, известных в том и другом языках.

Геминированные формы, как было замечено, являются позднейшими относительными вариантами с одинарными согласными.

Призвук *š* в уйгурском, саларском и сарыг-югурском языках есть следствие оглушения узкого *i* в соседстве с глухим *k*.

Реконструируемая форма числительного «два», совпадающая с наиболее распространенным в тюркских языках вариантом, представляет собою сочетание двух слогов: *г+сг* — т. е. **eki*.

Каково происхождение этой формы?

Ф. Крелитц высказал мысль о связи значений «два» и «следующий» (ср. лат. *secundus* 'второй', 'следующий' и *sēqui* 'следовать'). Он выделил корень **kij-* (ср. послелог *kijin* 'затем', 'после'), от которого и производил *iki* 'два'⁹.

При такой трактовке остается необъясненным появление начального *i/e*.

Следуя той же идее, Г. Рамстедт предложил такую этимологию:

⁸ Э. В. Севортян, Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные), М., 1974, стр. 338.

⁹ F. von Kraeplitz-Greifendorst, Zur Etymologie des türkischen Zahlwortes *iki* 'zwei', — WZKM, 1929, XXXVI, 3—4, стр. 239—241.

кор. *pegim* 'ближайший', 'следующий', 'второй', восходящий к глаголу **pek* 'следовать', ср. тюрк. *eki*, *iki* и т. д., отсюда производные формы — тюрк. *ekiz*, *ikiz* ~ монг. *ikire* 'близнецы' и уйг. *ekinti* ~ *ikinti* 'второй'¹⁰.

В последних работах Г. Рамстедт уточняет свои предположения. Тюрк. *eki* он рассматривает как имя на *-i* от гипотетической глагольной основы **ek*- < **hek*- < **pek*- 'следовать', откуда кор. имя на *-m* *pegim* (< **pek-im*) 'ближайший', 'следующий', кор. *pegim t'e* 'ближайшее место' и тюрк. *ekinti* 'послеобеденное время'¹¹.

Представлению Ф. Крелитца можно следовать, оставаясь и на тюркской почве.

В орхонских памятниках встречается редкий в употреблении глагол *er-* 'следовать', 'преследовать'¹². От него возможна медиальная форма на *-k*: **erik*-. Производное имя от этой основы **erik-i* > **erki* > **eki* 'следующий', 'ближайший' > 'два'.

Любопытно сопоставить согласный *k* в *eki* с *q/k* — показателем собирательности — множественности¹³.

Последнее предположение кажется более вероятным (*eki* 'оба' > 'два'), хотя и требует большего обоснования.

III. ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ «ТРИ»

Азерб., тур., туркм., кар. диал., кумык., кирг., узб., уйг., с.-югур., лоб., алт., древнетюрк. *üč*; тат. *öç*; кр.-тат. *uč'*; кумык. диал. *uč*; казах., ног., к.-калпакск., узб. диал., уйг. диал., лоб., тув. *uš*; сал. *uſ*; башк. *ös*; хак. диал., якут. *üs*; караг. *uis*; балк. *üs*; кар. диал. (*j*)*is*, *os*; чув. *viššë/viš*.

Веяризованное, редуцированное, негубное и протезированное начала — следствие модификации первичного *ü* в различных тюркских языках. То же самое — в отношении конечного согласного. Конечные *š*, *ſ*, *s*, *c*, *š* восходят к одному источнику — *č*. Следовательно, реконструируемая форма числительного «три» будет **üč*. Этот вариант наиболее употребителен в тюркских языках. В одной из ранних работ Г. Рамстедт ограничился простым сопоставлением тюрк. *üč* с монг. *üčüken* 'маленький', 'немного'¹⁴, с чем согласился и В. Банг¹⁵.

¹⁰ G. J. Ramstedt, *Studies in Korean Etymology*, стр. 195.

¹¹ Г. И. Рамстедт, Введение в алтайское языкознание, стр. 65; G. J. Ramstedt, *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*, I. Lautlehre, Helsinki, 1957, стр. 92—93.

¹² ДТС, стр. 175.

¹³ А. Н. Кононов, Показатели собирательности — множественности в тюркских языках, Л., 1969, стр. 14—15.

¹⁴ G. J. Ramstedt, *Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen*. Extrait du JSFOu, XXIV, 1907, стр. 9; J. Németh, *Die türkisch-mongolische Hypothese*, стр. 562.

¹⁵ W. Bang, *Zur türkischen Wortforschung*, стр. 518, прим. 4.

Позже Г. Рамстедт сравнивал тюрк. *йӧ* 'три' с монг. *йӧй-кеп* 'маленький', тунг. *уӧу-ле* 'разбивать, делить на куски', гольд. *пиӧ* и т. д.¹⁶.

У Г. Дёрфера эти сопоставления вызывают сомнение¹⁷.

М. Ряснен относит *йӧ* 'три' к **йӧ*, булг. *вӧӧ-эт*¹⁸.

В последнее время Т. А. Бертагаев сделал заманчивое сближение монгольских основ *γиӧ-/γиӧ-* 'правнук' и *γиӧ(in)/γиӧ-an* 'тридцать' с тюркскими *иӧ ~ уӧ* 'три'¹⁹.

Но этот путь оказывается не без трудностей. Числительное *γиӧ(in)* 'тридцать' исследователи возводят к **γutin* (ср. тунг. *gutin*), где основой является **γut*²⁰. Что же касается термина родства, то он представлен в монгольских языках только с начальным *γ*, формы с начальным *и* не отмечены, хотя и для других случаев Т. А. Бертагаев указывает соответствие начальных *γ ~ ноль*.

К. К. Юдахин, наблюдавший игру киргизских детей в альчики, записал систему счета с употреблением *йӧ* в значении предела счета — 'пять'. Он установил, что *йӧ* в первоначальном виде есть не что иное, как *иӧ* 'конец' или с долгим *и* — *йӧ* 'горсть'²¹. В первом значении *йӧ* — конец счета. Это же значение в качестве первоначального удобно допустить и для *йӧ* 'три', поскольку, как показывает фольклорный материал, у тюрков могла существовать троичная система счета²².

При оформлении современной десятичной системы первоначальный предел счета *иӧ* получил порядковый номер «три» и изменил огласовку для устранения омонимии.

Таким образом, даже в рамках трех единиц тюркские числительные представляют собою супплетивный ряд, состоящий из осколков различных систем счисления.

¹⁶ G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, стр. 148.

¹⁷ G. Doerfer, Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd II, Wiesbaden, 1965, стр. 136.

¹⁸ M. Räsänen, Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, Helsinki, 1957, стр. 77.

¹⁹ Т. А. Бертагаев, Об аялауте и некоторых этимологических наблюдениях в алтайских языках, — сб. «Структура и история тюркских языков», М., 1971, стр. 306.

²⁰ Н. Н. Поппе, Монгольские числительные, — «Языковедные проблемы по числительным», Л., 1927, стр. 108; W. Kotwicz, Contribution aux études altaïques, стр. 157.

²¹ К. К. Юдахин, Киргизское *йӧ* — 'пять', — «Труды Института востоковедения», М., 1940, № 2, стр. 191—193. Ср. также: А. Бекбергенов, Қарақалпақ тилиндегі санлықлардың сакраменталь мәнилери, — «Қарақалпақ тили бойынша изертлеулер», Нукус, 1971, стр. 190.

²² С. Кеңесбаев, «Жеті», «үш», «тоғыз», «қырық» пен байланысты ұғымдар, — «Известия АН КазССР, серия филологии», Алма-Ата, 1946, вып. 4 (29), стр. 10.